

17 МАР 1984

«КОММУНИСТ ТАДЖИКИСТАНА»

МЫ ЗНАКОМЫ с ним без малого сорок лет. Тогда, в 1946-м, я, еще юношей, переступил порог отдела кадров театра им. Маяковского, и старая женщина, из актрис, ныне кадровик, предложила:

— Пойдешь рабочим?

В тот час судьба и свела ме-

— Заходи, прошу тебя! — говорит он каждый раз при встрече.

— Зайду. Вот только поделится вечер посвободнее, — обещал я и не заходил.

А звал он меня не в гости. На работу. В театр.

ХОЗЯИН СЦЕНЫ

я с двадцатичетырехлетним машинистом сцены Ароном Бухманом. Разъясняя мне обязанности рабочего сцены, он каждый раз с восторгом повторял:

— Это же театр!

Мне казалось, что он каждый день с нетерпением ждет очередного вечера, встречи со зрителем, прикосновения к искусству. Но оно, как говорится, требовало жертв. Едва закрывался на сцене занавес и уходили в гримерные актеры, как до десятка таких, как я, рабочих сцены, осветителей, бутафоров, руководителей машинистом сцены, бросались «рушить» жилые комнаты, «выкорчевывать» сады, выносить мебель. И пока возмущенные зрители отдыхали в маленьком, тесном фойе во время антракта, мы строили новые города, проспекты, создавали чарующие пейзажи, меняли темную ночь на солнечный день или благоухаю-

РАБОТА

щую весну на знойное лето...

Надо было видеть, как четко этот маленький, энергичный человек руководил установкой декораций, драпировок, как порой до третьего звонка работал молотком, обливаясь потом, таскал бутафорию, реквизит, а нередко из-за отсутствия работника сам открывал и закрывал занавес — настоящий хозяин сцены. Ему хотелось одного: раскрыть занавес, удивить зрителя.

К слову сказать, этой «болезнью» страдали в театре многие. Помнятся заведующие столярным цехом К. Дьяконов, костюмерным — В. Лобачева, художественным — Г. Мирзаханов, бутафорным — Н. Гартз. Иных из этих людей, пронесших через всю жизнь любовь к театру, уже нет, другие давно на пенсии, но огонь, постоянное стремление удивить зрителя живут в театре и поныне. Кстати, многие из артистов той поры, носившие еще офицерские да солдатские гимнастерки, стали заслуженными, народными.

Сменилось не одно поколение тех театральных работников, которых никогда не видит зритель, но благодаря которым полное постигнешь драматургию Островского, Гоголя, Горького... Изменились за это время и связи труппы со зрителем, технические оснастились и сам театр. Не сумело только время укротить любовь к театру у машиниста сцены Арона Бухмана. Так и проработал он до своих шестидесяти с одной записью в трудовой книжке, остался верен раз и навсегда выбранному делу. Разве только поменьше стало на голове пышных курчавых волос да не так звонко голос. Зато доброты в этом голосе, дружеского участия не убавилось.

— Ну, заходи же! Увидишь — театр не узнать...

Б. ПАВЛЫЧЕВ.